

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии культуры и массовых коммуникаций Института социологии НАН Украины, Киев

Призрак свободы. Судьба демократических институтов в Украине

Аннотация

Созданные за годы государственной независимости Украины такие институты демократического общества, как парламент, всеобщее избирательное право, разделение ветвей власти, демократическая Конституция, многопартийная система, многочисленные общественные организации, негосударственные средства массовой информации, не находят поддержки среди основной массы населения Украины. Возникает противоречие между имеющимися демократическими институтами и социально-психологическими факторами, которые заставляют людей отвергать их, очевидно, в силу их формальной природы. Демократические институты имеют чисто внешний, декоративный характер и не являются укоренившимися в социально-психологической структуре общества.

Ключевые слова: *культурный код, дискурс, социальный институт, доверие, авторитет*

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор соціологічних наук, провідний науковий співробітник відділу соціології культури та масових комунікацій Інституту соціології НАН України, Київ

Привид свободи. Доля демократичних інститутів в Україні

Анотація

Створені за роки державної незалежності України такі інститути демократичного суспільства, як парламент, загальне виборче право, поділ гілок влади, демократична Конституція, багатопартійна система, численні громадські організації, недержавні засоби масової інформації тощо, не знаходять підтримки серед переважної маси населення України. Виникає суперечність між наявними демократичними інститутами і соціально-психологічними чинниками, що змушують людей відкидати їх, вочевидь через їхнє формальне єство. Демократичні інститути мають суто зовнішній, декоративний характер і не є вкоріненими в соціально-психологічній структурі суспільства.

Ключові слова: культурний код, дискурс, соціальний інститут, довіра, авторитет

VIKTOR BURLACHUK,

Doctor of Sciences in Sociology, Leading Research fellow at the Department of Culture and Mass Communication, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv

The Ghost of Freedom. The Fate of Democratic Institutions in Ukraine

Abstract

Established during the years of state independence of Ukraine, such institutions of a democratic society as parliament, general electoral law, power branches division, democratic Constitution, multi-party system, numerous public organizations, non-government mass media etc., do not find support among the overwhelming majority of the Ukrainian population. There is a contradiction between the existing democratic institutions and the socio-psychological factors that make people reject them, obviously because of their formal nature. Democratic institutions have a purely external, decorative character and are not rooted in the socio-psychological structure of society.

Keywords: cultural code, discourse, social institute, trust, authority

Со дня провозглашения Украиной независимости и образования суверенного государства минуло уже более четверти века, однако так и не было создано полноценное демократическое государство, где все граждане независимо от социального положения имели бы равные права, где деятельность судов регулировалась бы законами, а не интересами сторон конфликта, и где принимаемые законы не противоречили бы Конституции.

Пожалуй, для объяснения этого факта существуют сотни разных причин, которые можно искать в экономической, политической и духовной сферах¹. Но можно предложить еще одну возможную стратегию объяснения этого явления.

На мой взгляд, причину и объяснение всех политических событий следует искать в культурной структуре украинского общества. Такая структура дискурсивно воспроизводится в течение длительного времени в различных произвольных контекстах. Она имеет решающее значение для распределения ресурсов и власти в обществе. Лучший способ понять эту политическую культуру — попытаться определить ее символические коды.

Толчком к такому исследованию послужила статья Дж.Александера “Дискурс американского гражданского общества”, опубликованная в его книге “Смыслы социальной жизни: культурсоциология” [Alexander, 2003].

В этом исследовании Дж.Александр, согласно своей общей концепции культурсоциологии, исходит из того, что в гражданском обществе существует “культурный код”, определяющий социальную структуру гражданского общества: акторов, социальные отношения и институты. Культурный код является ключом к пониманию того или иного типа культуры; благодаря ему происходит превращение значения в смысл. Коды образуют сложный дискурс и состоят из длинных цепочек понятий, нагруженных символикой сакрального и профанного.

Культурный код определяет характеристики акторов, социальных отношений и институтов. В обществе могут существовать несколько культурных кодов, обеспечивающих упорядоченную и согласованную взаимосвязь между тремя измерениями социально-структурной реальности (акторы, отношения между ними и институты). Они имеют бинарную природу и обуславливают разные варианты связей между государством, экономикой, культурой и общностью. Будучи структурой культуры, они регулируют гражданскую жизнь.

В своем анализе дискурса американского гражданского общества американский социолог использовал два основоположных культурных кода — “демократический” и “контрдемократический”. Его позиция заключается в том, что в США существуют “демократический код”, образующий дискурс свободы, и его противоположность — “контрдемократический код”, который определяет дискурс подавления, а полемика в обществе по поводу тех или иных социальных процессов происходит преимущественно на почве дискурса свободы / подавления. Причем стороны конфликта пытаются

---

¹ Так, заслуживает внимания предложенное С.Макеевым понятие “переходные институциональные состояния”, когда смена доминирующих ценностей не является одномоментным актом, а возврат к традиции, пересекаясь с предлагаемыми конвенциями, образует трудно предсказуемые сочетания [Макеев, 2003: с. 18].

представить позицию противника, его мотивацию и отношение как результат воплощения дискурса подавления.

Люди с демократическим мышлением символически конструируются как рациональные, разумные, спокойные, реалистичные, тогда как люди с антидемократическим мышлением — как мотивированные патологической жадностью и исключительно собственными интересами. Из этих двух типов личности вытекают два типа социальных отношений. Демократическая личность формирует отношения, основанные на доверии и открытости, тогда как контрдемократическая личность ассоциируется с секретностью, заговорщицескими отношениями, с использованием обмана и маккиавелиевских расчетов.

Соответственно, определенный код распространяется и на характер социальных институтов. Для демократического кода социальные институты работают в соответствии с законами, и взаимоотношения в институтах носят безличный характер. Для контрдемократического кода, напротив, социальные институты являются иерархическими, строятся на отношениях личной преданности, обходя безличные и договорные обязательства.

Что касается дискурса украинского гражданского общества, то, в отличие от американского, следует констатировать отсутствие в нем общей универсальной культуры, которую бы разделяли все члены общества. Попробуем выделить основные дискурсы в политической культуре украинского общества, опираясь на выступления государственных деятелей, рассуждения политиков, публикации в газетах и журналах, изучение общественного мнения. Один из дискурсов гражданского общества, который можно назвать дискурсом независимости, сформирован на базе “националистического кода”. Этому “националистическому коду” присуще понимание социальных институтов как независимых структур, выполняющих задачи обеспечения территориальной целостности и независимости национального государства. Одна из главных особенностей деятельности национальных институтов заключается в том, чтобы создать все условия для национальной безопасности государства. Поэтому защита безопасности Украины, согласно этому коду, является главной функцией всех государственных органов, а граждане молодого украинского государства ради выживания вынуждены сознательно согласиться на ограничение некоторых новых для себя прав и свобод.

Согласно националистическому коду внешним и наиболее выразительным признаком функционирования социальных институтов является особый язык коммуникации, получающий статус национального. Он приобретает атрибуты государственного и проникает во все сферы социальной жизни — от языка делопроизводства до языка науки и культуры.

Противоположностью “националистическому коду” является “имперский код”, который формирует дискурс зависимости. Имперский код связан с советским прошлым Украины, когда Украина входила в состав СССР на правах союзной республики. Советское прошлое является предметом особой обеспокоенности украинских политиков и воспринимается как главный тормоз для развития украинского государства. Этим мотивирована политика декommунизации, которая и привела сначала к запрету коммунистической партии, а потом к уничтожению коммунистической символики.

Опираясь на дискурс независимости, можно предложить определенную дискурсивную структуру социальных институтов (см. табл. 1).

Таблица 1

Дискурсивная структура социальных институтов

Националистический код	Имперский код
Независимое национальное государство	Союзная республика
Многопартийность	Однопартийность
Рыночная или смешанная экономика	Плановое хозяйство
Национальная элита	Партийная номенклатура
Национальная идея	Коммунистическая идея
Украинский язык	Русский язык
Стабильное развитие государства	Стагнация, застой

Ядром националистического кода служит идея независимого государства, формирующая дискурс украинских политиков независимо от их взглядов на характер политического устройства органов государственной власти. Националистический код лежит в основе дискурса не только современных политиков, он определяет логику рассуждений ведущих носителей идеи украинской независимости — от М.Михновского до В.Черновола.

В деятельности первых идеологов украинской независимости М.Грушевского, В.Винниченко, В.Липинского и других мы наблюдаем столкновение и взаимодействие тех же самых культурных кодов, что и у современных политиков, а у современных политиков мы обнаруживаем то, что уже было у теоретиков-пионеров. Существует определенное сходство политических процессов, которые привели к образованию самостоятельного украинского государства в начале и в конце XX века. В обоих случаях возникновению украинского государства предшествовал кризис центральной имперской власти, который вылился в ее неспособность управлять многонациональным государством. Февральская революция, которая передала власть Временному правительству, создала условия для провозглашения Центральной Радой формальной автономии в рамках единого российского государства. Становление и развитие украинской государственности в начале века разворачивалось от формальной автономии к одностороннему провозглашению самостоятельности. В связи с началом военных действий между Советской Россией и Украинской Народной Республикой 22 января 1918 года был провозглашен IV Универсал, по которому УНР стала «самостоятельным, ни от кого не зависящим, свободным суверенным государством украинского народа».

Восстановление украинской государственности в конце XX века тесно связано с политическими процессами, происходившими в России. История отношений с Россией в 1917–1918 годах повторилась в конце XX века. И если в начале столетия с момента провозглашения независимости Центральной Радой до войны с Россией прошло чуть более полугода, то в конце XX — в начале XXI века этот процесс растянулся на гораздо более длительный исторический период (почти на четверть века).

Националистический код вовлекает в свою орбиту ряд других понятий-символов, например, понятие построения государства. Развитие государства связано с определенным фундаментом, на котором следует возводить здание независимого государства. Метафору развития не следует понимать в

буквальном смысле как возведение фундамента, стен, крыши, строения. Развитие — это борьба с перманентными притязаниями империи, которой можно противостоять только при помощи вооруженного сопротивления.

Националистический код всегда сопряжен с дискурсом войны. М. Грушевский в своей брошюре “На пороге новой Украины” (1918) войну рассматривает как логическое продолжение борьбы украинского народа за независимость. Война как состояние, независимо от того, в какой форме она происходит — в открытой или в скрытой, в результате оказывается логическим продуктом националистического кода.

“Пока хоть на одном клочке украинской территории будет господствовать чужак, до тех пор украинская интеллигенция не сложит оружия, до тех пор все поколения украинцев будут идти на войну. Война будет вестись всеми средствами, и борьба культурная считается также соответствующей, как и борьба физической силой...” [Міхновський, s.a.], — писал идеолог украинского национализма М. Михновский.

И далее: “...мы заявляем, что мы возьмем силой то, что нам принадлежит по праву, но отнято у нас тоже силой... Мы понимаем, что борьба будет жестокая, длительная, что враг беспощаден и силен. Но мы понимаем и то, что это уже последняя борьба... Мы не хотим дальше терпеть господства чужаков, не хотим больше пренебрежения на своей земле. Нас горстка, но мы сильны нашей любовью к Украине” [Міхновський, s.a.].

Следует отметить, что дискурс войны постоянно присутствовал в суждениях украинских политиков даже тогда, когда, казалось бы, ничто не предвещало военного конфликта Украины с Россией. Так, еще в 1990-е годы политики говорили о “невидимой войне против Украины, опасной тем, что в ней нет линии фронта”, о том, как Украина “превратилась в полигон интенсивной деятельности спецслужб крупных государств мира, близких и далеких”, о стремлении “наших великих недругов ... любой ценой не допустить рождения мощной геополитической силы в лице настоящего самостоятельного Украинского государства” и т.п.

В то же время война отнюдь не воспринимается как абсолютно негативное явление, она помогает освободиться от прежних обыкновений, старых отживших предрассудков, она оголяет основу социального фундамента, на котором можно строить новое государство.

“Мне придется начинать все снова — не продолжать или восстанавливать, а таки начинать: повторять уже ни рука ни мысль не повернется к тому страшному потрясению, которое пережилось в сей руине”, — писал М. Грушевский. Далее читаем: “Украина также похоронила свое старое в этом пожаре, в этой руине, в могилах своих детей, убитых рукой большевиков. ... Украина как я стоит на этой руине теперь... перед ней встают совсем новая перспектива и виды... Все наши потери, какими бы болезненными и невосполнимыми они ни были, мы запишем на счет восстановления государственной жизни нашего народа” [Грушевский, 1991: с. 6, 7].

Война и сопутствующая ей разруха образуют определенную почву для строительства национального государства.

С разрухи началось строительство национального государства и в конце XX века. Как отмечают авторы “Программы комплексной социально-экономической реформы Украины” (1992), “кризисная ситуация достигла такой отметки, что сейчас уже, по сути, речь идет не о реформировании экономики,

а о поисках эффективной стратегии выживания с наименьшими затратами для страны”. Однако завершают программу весьма пессимистичные суждения: “Работа над программами началась в конце октября 1992 года. За это время ситуация в стране значительно ухудшилась. Украина вплотную подошла к отметке, за которой начинается полный распад общества и логику событий определяют не научно обоснованные прогнозные сценарии и нормативные документы, а разрушительные силы, которые полностью выходят из-под контроля государственной власти” [Програма, 1993: с. 62].

Таким образом, война базируется на националистическом коде, в котором украинцам противостоят россияне.

Посмотрим теперь, как опора на националистический код отражается в сознании рядовых граждан Украины. Анализ данных ежегодного мониторинга, осуществляемого Институтом социологии НАН Украины уже четверть века (с 1992 года), показывает, что риторику плановой экономики в течение последних пятнадцати лет стабильно поддерживает от четверти до почти трети украинцев (25,8% – 29,3%). “За” рыночную экономику отдают голоса от 6,5% до 14,2% опрошенных, хотя приверженцев социализма за это время чуть поубавилось — с 22,1% до 14,4%.

Такая составляющая националистического кода, как наличие в Украине многопартийной системы, не находит особого признания среди опрошенных. От 29,8% (1994) до 38,8% (2017) граждан Украины выступают против многопартийности.

Потребность в национальной элите остается актуальной в течение всей истории независимой Украины. На вопрос “Есть ли сегодня в Украине лидеры, способные эффективно руководить страной?”, в 1994 году 80,4% украинцев ответили отрицательно, поскольку не видели таких лидеров. К сожалению, не появились они и в 2017 году: почти столько же украинцев (78,5%) ответили аналогично.

Военный конфликт на Востоке Украины резко усилил стремление к независимости государства, укрепив сомнения в целесообразности заключения союзов со странами из числа прежних членов СНГ. На вопрос “Как Вы относитесь к идее присоединения Украины к союзу России и Белоруси?” 61,7% респондентов ответили отрицательно.

Согласно дискурсивной структуре социальных институтов можно построить и дискурсивную структуру акторов, опираясь на противоположность имперского и националистического кодов (табл. 2).

Таблица 2

Дискурсивная структура акторов

Националистический код	Имперский код
Украинский патриот	Советский традиционалист
Инициативность	Пассивность
Индивидуализм	Коллективизм
Демократичность	Авторитарность
Стремление к новизне	Консервативность
Рациональность	Эмоциональность
Активная жизненная позиция	Патернализм

В отличие от американского общества, где такие качества социальных акторов, как инициативность (активность), рациональность, индивидуализм, сакрализуются и связываются с кодом демократии, в украинском обществе они скорее выражают код национализма и толерантно рассматриваются самими гражданами Украины. Украинские респонденты на вопрос “Какие черты, по Вашему мнению, преобладают у большинства населения Украины?” инициативными считают 20,8% своих сограждан, пассивными — почти вдвое больше (40,8%). Такая позиция подтверждается и самооценками опрошенных. На вопрос “Как вы считаете, от чего в основном зависит то, как складывается ваша жизнь?” более половины граждан Украины (от 54% до 60%) в течение четверти века проведения мониторингового исследования (1992–2017) неизменно считают, что “от внешних обстоятельств”.

Наряду с дискурсом независимости еще одним дискурсом, определяющим жизнь гражданского общества Украины, является дискурс свободы, создаваемый на базе демократического и антидемократического кода (табл. 3).

Таблица 3

Дискурсивная структура социальных институтов

Демократический код	Контрдемократический код
Верховенство закона и Конституции	Телефонное право
Структурное реформирование всех сфер социальной жизни	Имитация реформ
Отделение бизнеса от власти	Слияние бизнеса и власти
Общенациональный диалог между разными социальными группами	Доминирование одного видения
Прозрачность и легитимность принятия решений	Коррупция
Независимость внешней и внутренней политики	Зависимость политики от иностранного влияния
Европейская модель власти (система сдерживаний и противовесов)	Режим единоличной власти
Отсутствие государственной идеологии	Государственная идеология

Националистический код противоречит не только имперскому, но и демократическому. В итоге возникает определенная путаница в дискурсах, когда, например, происходит подмена понятия свободы (прежде всего личной, субъективной свободы) понятием государственной независимости. Предполагается, что достижение государственной независимости с необходимостью ведет к утверждению прав и свобод личности (гражданина).

Все, что политики, чиновники, общественные активисты делают сегодня, они должны объяснять в терминах того или иного дискурса. В речах Президента явно преобладает дискурс независимости, подчиняющий себе дискурс свободы. Когда он утверждает, что единый государственный флаг ценнее сотни партийных флагов, то нужно считать, что государство — это прежде всего нация патриотов, в которой нет места для расхождений и партийных распрей.

Главные политические события в украинской истории можно истолковать, основываясь на культурном коде, определяющем грамматику, на которую, в свою очередь, опираются характерные для конкретного исторического периода традиции с целью создания определенных сочетаний смыслов, идеологии и убеждений.

Культурный код и открытость украинского общества

Акт провозглашения независимости Украины в 1991 году означал не только факт появления на политической карте мира нового европейского государства, но и одновременно отказ от того политического строя, который существовал многие годы на этой территории. Установление независимого государства предполагало радикальный отказ от коммунистического прошлого и связанных с ним форм организации социальной жизни. По сути, перед обществом, его политической элитой не стояла проблема выбора того, какой путь дальнейшего развития следует выбрать. Перед обществом, которое освободилось от имперского прошлого, в качестве образца политической организации стояли европейские государства с устойчивой демократией, рыночной экономикой и, главное, высоким уровнем жизни. Чтобы достичь уровня этих образцовых европейских государств, был начерчен определенный путь, называемый “модернизация”.

Падение коммунистического режима должно было способствовать установлению принципа открытости во всех сферах (идеологической, культурной, политической и экономической), стимулировать рост культурных взаимодействий между Украиной и Европой и скорейшую адаптацию западных моделей социально-экономической жизни.

Опыт модернизации Украины весьма специфичен и представляет собой либо уклонение от установленных на Западе норм, либо цепь систематических уступок давлению модернизации при сохранении глубинных старых устоев. Опыт модернизации Украины, согласно мнению западных социологов, лучше понимать как одну из “альтернативных модернизаций” (Дж. Арнасон). Это не столько долгожданная реализация “упований” на возвращение в Европу и установление рабочего режима “открытого” общества, сколько начало новой дифференциации опыта открытости и закрытости и усиления напряжения между этими двумя взаимоисключающими стремлениями.

Как доказала Дж. Арнасон в своем анализе множественных модерностей и моделей модернизации, следует артикулировать отличия между теми обществами, которые пережили модернизацию согласно “внутренней логике” своего существования, и теми, что “просто попали на орбиту геополитических и исторических обстоятельств”.

Траектории модернизации в Украине прежде всего отмечены зависимостью от внешнего влияния и порой представляют собой явное воспроизводство внешних стимулов. Реализацию западного проекта модернизации в Украине обычно понимали как построение “каналов открытости” в периферийном для Европы регионе, где ранее господствовали марксистская идеология, традиционализм и авторитарные формы самосознания. Однако принципу открытости в Украине всегда противостоял дискурс независимости, опирающийся на националистический код с его проектом построения государства на базе самобытных традиций.

В общественном мнении сохраняется устойчивая тенденция выбора пути развития, направленного на использование собственных ресурсов и укрепление национальной безопасности. Так, если среди опрошенных в 1994 году всего 12,9% респондентов поддерживали самостоятельный путь развития Украины, то в 2016-м их доля возросла до 35,1%.

Установка на национальную обособленность и самобытность на практике часто оборачивалась тоталитарными устремлениями. Такие настроения в обществе особенно сильно укрепляются тогда, когда многолетние попытки его реформирования воспринимаются как источник постоянных бедствий и унижений. Попытки модернизации общества в такой ситуации толкуются как бесплодные и выгодные исключительно узкому слою олигархов — не совершенствующие это общество и даже не утверждающие его исключительность, а лишь разрушающие его. Как правило, в общественном сознании портрет олигарха и главаря преступного мира сливаются в единый образ. Поэтому не случайно свыше 30% респондентов стабильно считают, что мафия и преступный мир играют значительную роль в жизни украинского общества.

Адаптация модерности и современных институтов культурным кодом радикализирует социальные тенденции, ведущие к закрытости.

Выявленные социальные тенденции к закрытости, основанные на националистическом коде, можно отследить в разных сферах социальной жизни. В сфере идеологии обособленность обусловлена абсолютистским пониманием политики — она признает только один вид дискурса, считая его действительным выражением потребностей общества. Носителем такого единственно правильного дискурса является авторитарный лидер с его уникальной способностью своим приказом приводить в движение огромные массы людей и брать на себя всю ответственность за принятые решения. Не случайно умонастроениям украинцев так близка политическая деятельность президента Беларуси А.Лукашенко, который пытается бескомпромиссно бороться с любыми проявлениями оппозиции в своей стране. Например, в 2016 году 16,0% украинцев давали самую высокую (по десятибалльной шкале) оценку политическому лидеру белорусского народа, 62,5% считали, что несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны гораздо больше, чем все законы и дискуссии.

Идеологическая закрытость, присущая советскому обществу, где отбрасывалось любое отклонение от “единственно правильного” марксистско-ленинского учения, в современной Украине получила продолжение в упомянутом выше парадоксальном феномене неприятия многопартийной системы. Напомню — число противников многопартийной системы с каждым годом не уменьшалось, а наоборот — возрастало (от почти трети (29,8%) до чуть ли не половины населения (44,7%) в 2016-м).

Такие настроения украинского общества странным образом сочетаются с доминированием либеральной риторики и стремлением строить правовое европейское государство, опирающееся на такие принципы, как свобода личности, свобода слова, печати, собраний, создания союзов и т.п. Так, опрос 2016 года показал, что две трети украинских граждан (67,2%) не удовлетворены тем, как развивается демократия в стране.

Благодаря тесному переплетению дискурса независимости и дискурса свободы украинское общество являет собой пример того, как в обществен-

ном сознании могут не только легко уживаться некоторые противоположные идеологические понятия, но и образовываться аморфные, трудно верифицированные конгломераты, которые объединяют разные периоды социальной истории в жизни каждого гражданина Украины.

В современном украинском обществе национальная риторика приобрела безальтернативный статус и придала различным видам репрезентации “национальной” демократии тотальный характер. Запрет коммунистической партии и инициированная украинскими властями широкая кампания декоммунизации продолжают тенденцию к закрытости политического дискурса.

С другой стороны, встреча с Западом делает возможным восприятие идей, которые могли бы привнести в традиционное общество открытость, благодаря восприятию широкой общественностью таких представлений, как частная собственность, индивидуализм, терпимость и демократия. Но вместе с тем украинское общество познакомилось с идеями, которые следует отождествить скорее с ранним романтизмом как одним из источников фашизма, нежели с либерализмом. Усвоив эти идеи, общество стало считать основой исторического сознания “самопонимание”, самоидентификацию. В результате импульсы традиционного общества к открытости обернулись замыканием общества вокруг идеи национальной общности.

Процесс модернизации украинского общества происходит в ситуации “двойного возвращения”: национализма и религии. Вероятно, возвращение двух векторов, которые перестали быть частью большой политики в ведущих европейских государствах (исключение составляет Россия), связано с недоверием к идеалам “открытого” общества и продолжительным влиянием определенного культурного кода. Однако, на мой взгляд, возрождение национальных чувств и религии, подвергавшихся постоянным репрессиям во времена коммунистической власти, лучше понимать как своеобразную критику амбиционных нарративов либерализма и европеизма. Приверженцы национально-религиозного возрождения тоскуют о потере местной автономии, недовольны новой социальной дифференциацией, возмущаются уничтожением местных традиций, в частности — традиций социальной взаимопомощи.

Закрытость культуры — это прямое проявление нетерпимости к внешним влияниям, которые особенно усилились в результате военного конфликта с Россией. Согласно дискурсу независимости, украинская культура является самобытной, репрезентует себя в каждом члене общества и должна быть максимально защищена от российского влияния. Поэтому предпринимаются политические меры, запрещающие демонстрацию российских фильмов и ввоз русскоязычной книжной продукции. В данное время мы продолжаем наблюдать тенденцию, ведущую к политической закрытости, когда допустимым оказывается политический агент лишь одного рода — именно его прославляют как благотворный источник развития, тогда как оппозиция и все несогласные воспринимаются как угроза системе (враги Украины).

Дискурс независимости и попытка сакрализации государства

В XIX веке распространяется представление о государстве как политическом институте, отделенном от религиозных институтов, как о некоей са-

мостоятельной сущности, которая проводит независимую политику и вытесняет религиозные верования в частную сферу. Уже в начале XX века во Франции появляется “Закон о разделении церкви и государства” (1905), ставший первым законом, который положил начало процессу полного отделения церкви от государства. Появление светского государства в Европе, которое утверждало полную секуляризацию общественной жизни, казалось, навсегда лишало церковные институты возможности влиять на государственную политику.

Наиболее демонстративно о своей светской сути заявило советское государство, которое своим “Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви” (1918) запретило религиозное образование во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях. Однако отделение политических институтов от религиозных еще не означало, что религиозные верования перешли в частную сферу. Вместо этого место религиозных объединений в государстве заняли институты, занятые разработкой и распространением коммунистической идеологии, а запрет на общеобязательную религию обернулся установлением общеобязательной идеологии. Так, свобода “исповедовать любую религию или не исповедовать ни одной” на деле превратилась в утверждение государственной идеологии, которая стала разновидностью светской религии.

Распад Советского Союза привел к разрушению идеологических институтов, которые обосновывали его легитимность. И как только атеизм перестал быть характерной особенностью общественного сознания, религиозные институты начали возвращать себе позиции, которые они утратили в тоталитарном государстве. Связь политического и религиозного, которую отрицала эпоха Просвещения, на самом деле не исчезла, она стала скрытой частью общественной жизни как основа порядка и образа жизни людей.

Несмотря на достижения эпохи Просвещения и атеизма, религиозное сохраняется под покровом новых верований, новых представлений, и стоит исчезнуть идеологическому прессингу, как оно всплывает на поверхность в традиционных или новых формах, особенно когда здание государства начинают сотрясать конфликты. О религиозной чувствительности могут свидетельствовать, в частности, верования, непосредственно не связанные с догмой, свободные от верности церкви, сопровождаемые воинствующим атеизмом.

Новая постановка вопроса о религиозном и политическом в определенной мере обусловлена теми процессами, которые мы наблюдаем в жизни современной Украины. Специфика современной политической жизни Украины в первую очередь связана с острым военным конфликтом на Востоке страны. Этот конфликт бросил вызов основам украинской государственности, со всей остротой поставил вопрос о праве государства на насилие и на принуждение к насилию. Принуждением к насилию являются законы о частичной мобилизации, которые заставляют одних граждан государства убивать других на законных основаниях. Впервые в истории украинское государство получило в таком объеме право распоряжаться жизнью и смертью своих граждан. Это право нельзя обосновать лишь рационально, исходя из абстрактной сущности государства, когда государство понимается сугубо функционально как политическая организация, обладающая аппаратом управления и принуждения на определенной территории. Такое право государство может черпать из своей символической сущности, которую ему

предоставляет культурный код. Когда Президент Украины П.Порошенко назвал войну на Востоке отечественной войной 14-го года, войной за свободу, честь и славу, то его риторика опиралась не на политико-правовую сущность государства, а на его воображаемую символическую составляющую, на символику сакрального и профанного. Что означает символическая составляющая? Символизация предполагает религиозную почву политического порядка. Это означает, что власть определяется через отношение к чему-то большему, чем власть, к Богу, к священной земле, то есть образ власти связан с образом иной трансцендентной силы. С другой стороны, власть имеет модус воплощения, то есть тот, кто использует власть, на самом деле ею и обладает. Отсутствие функции воплощения означает, что общество больше не представляет тело государя, то есть не обладает субстанциональным единством. Такая ситуация характеризует демократическое государство.

Разделение власти и общества в демократическом государстве имеет определенные особенности, это единый режим, предполагающий разрыв символического и реального в обосновании власти. Такая природа власти в демократическом обществе давала основания французскому социологу Клоду Лефору говорить о пустом месте власти, когда пустое место власти отвечает обществу, не имеющему положительной детерминации, которое нельзя представить в образе общности. Этот фундаментальный недостаток демократического строя означает, что человеческое общество всегда будет соприкасаться с невозможностью обосновать себя исходя из самого себя и потому будет постоянно пребывать в поисках своего фундамента. Такой фундамент и предлагает религия, когда она разрабатывает представления о едином, и оно оказывается условием единства граждан в обществе.

Что означает объявить войну отечественной в демократическом обществе? Это означает забыть о том, что основным принципом демократического общества является институциональный конфликт, который существует между властью и обществом; это означает попытаться вернуть власти символический порядок, когда власть не просто решает проблемы управления и обеспечения жизнедеятельности общества, но и приобретает новую функцию — функцию защитника отечества, тем самым рядясь в символические одеяния; она пытается указать на то, что существует некая субстанция общности, провозгласив, что государство — это и есть родина и потеря или изменение границ государства оказывается потерей родины. Тем самым рождается иллюзия реальности, якобы содержащая основы собственного определения в совокупности многочисленных соотношений фактов.

Предполагается, что когда государство ведет войну, это государство должно быть единым, чтобы защитить себя. Однако единым оно может быть лишь благодаря некой субстанции, лежащей в его основе. Таковую субстанцию, согласно националистическому коду, хотят предложить обществу в виде нации. Нация и является тем фундаментом, который делает общество единым. Однако такое условие единства общества трудно поддается реализации. Во-первых, современные общества, как правило, полиэтничны. Во-вторых, наличие единства, в свою очередь, предполагает наличие общей связи между соотечественниками и определенной формы самоидентификации. Однако большинство граждан Украины не готовы идентифицировать себя в качестве украинского этноса. Так, по данным мониторинга Институ-

та социологии НАН Украины, на вопрос о самоидентификации тринадцать лет подряд лишь 2–3% опрошенных отвечали, что ощущают себя представителями своего этноса и нации.

С другой стороны, желанию представить общество как единый монолит противостоит кризис доверия среди граждан Украины. Так, своим соотечественникам доверяет только половина украинцев (52%).

Постоянно обреченное на поиски своей почвы национальное государство вынуждено обращаться к религиозным представлениям, поскольку именно религиозные представления о едином оказываются мощным инструментом для объединения людей. Но такое обращение наталкивается на светскую сущность государства, которая исключает религиозные идеи и принципы. Поэтому демократическая власть, лишённая такой почвы, вынуждена заниматься символической переработкой понятий “народ”, “нация”, “государство”, “родина”, чтобы придать им субстанциональное значение. Общество, находящее свою опору в индивидуальных свободах, должно создать мотивацию для честного государственного служения и патриотизма при отсутствии христианской веры. Ведь все, что выражает идею социального единства, совместной собственности, взаимной связи, возникает из религиозного чувства.

Религиозное в понимании сущности государства предполагает наличие в нем чего-то большего, нежели аппарат управления людьми и ресурсами, оно противостоит сведению его сущности к инструментальной функции. Только благодаря этому большому возможны устойчивость и связность общества, только благодаря ему государство может требовать от гражданина безусловного подчинения, упразднения частного интереса ради необходимости сохранить государство.

Можно утверждать, что демократическое государство пытается сформировать новую религиозную веру во избежание такого понимания общества, когда реальное — это только индивиды и коалиции, организованные в соответствии с интересами и мнениями. Такое понимание общества, поддерживаемое либеральной мыслью, усматривает в вере лишь знак чистой иллюзии, а реальными признает только индивидов и их групповые интересы, тем самым делая невозможной символическую действенность демократической системы.

Демократический способ утверждения власти, как правило, не в состоянии придать форму и содержание социальному делению, в нем исчезает различие власти как символической инстанции (религиозное измерение власти) и власти как реального органа. При отсутствии символической составляющей власть не может требовать от своих граждан принуждения к насилию, а тем более готовности умирать за ее интересы. При отсутствии символической составляющей власть людей, принимающих общественные решения или стремящихся к этому, исчезает, оставляя для созерцания только индивидов или кланы, которые занимаются удовлетворением собственных потребностей во власти.

Такая ситуация не удовлетворяет ни общество, ни власть. И с той, и с другой стороны есть стремление, учитывая опыт развития светского государства, придать власти новую символизацию. В истории такими попытками символизировать власть были фашизм и коммунизм, когда место государственной религии занимала государственная идеология. В советском

государстве понятие религиозного было активировано в поисках мистического союза пролетариата в роли политической партии всего народа.

Можно констатировать, что власть пребывает в постоянных попытках тем или иным образом придать себе субстанциональную реальность, отбросить социальное деление во всех его формах, придать обществу тело.

Кризис доверия и фигура авторитета

Восемнадцать лет (столько времени проводится мониторинг Института социологии НАН Украины), несмотря на все социальные и политические изменения в стране, среди наших сограждан, как отмечалось, сохраняется стабильно высокий показатель поддержки утверждения, что несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии (от 52,3% до 65,7%).

О чем это должно свидетельствовать? Можно ли такие ответы на вопросы анкеты рассматривать как определенный индикатор отношений общества и государства, человека и власти, можно ли на этих основаниях говорить о том, что в обществе сформировался и не изменяется определенный тип отношения к ценностям демократии, к законам и публичным дискуссиям? Само суждение в опроснике построено на противопоставлении, оно как бы предлагает респонденту сделать выбор — между политической свободой и нормой закона, между политической целесообразностью и принципом легитимности, между стратегическим и коммуникативным разумом. И респондент делает выбор, все перечисленные противоположности он сводит в своем сознании к различию между “делом” (несколько сильных руководителей) и “словом” (законы и дискуссии). И выбирает дело. В отличие от законов и дискуссий, дело всегда персонифицировано, оно предполагает субъект, человека, лидера, который осуществил бы это дело, оно не может совершаться само по себе. Но поскольку речь идет не о повседневных делах, а о сфере политики и политическом действии, выходящем за рамки повседневности, то в общественном сознании за политическим действием всегда стоит представление о некоей особенно одаренной личности, способной осуществить это действие, приобретая, в зависимости от ситуации, черты вождя или героя.

Распространенность такого мнения демонстрирует устойчивую потребность общества в экстраординарной политической деятельности, способной, пренебрегая законами и дискуссиями, радикально решать его основные проблемы.

Симпатии общественного мнения к результативному политическому действию отражаются и в других данных мониторинга. Так, от 52,5% до 62,3% респондентов считают, что президент должен быть главой правительства и возлагать на себя всю полноту ответственности за внешнюю и внутреннюю политику. В институте президентства усматривают не определенный политический механизм, направленный на поддержание политического равновесия, согласование деятельности институтов государственной власти, а прежде всего политического лидера, наделенного всей полнотой исполнительной власти и персонально отвечающего за состояние дел в стране.

Эта потребность в сильном руководителе подкрепляется чувством собственной безысходности перед жесткой бюрократической машиной, перед без-

ликостью закона и права. На вопрос: “Если бы правительство Украины приняло решение, ограничивающее Ваши законные права и интересы, могли бы Вы что-то сделать против такого решения?” более 60% респондентов, независимо от года исследования, отвечают, что не смогли бы ничего сделать.

То есть когда 65% опрошенных считают, что “несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии”, значит мы имеем дело не с частным мнением отдельного человека, а с устойчивым социально-психологическим комплексом, сформированным в процессе исторического развития общества.

Этот комплекс представляет собой сложное полиморфное образование, в котором переплетены ценности, нормы, верования, ожидания, убеждения, иллюзии, надежды большой группы людей. Именно он выполняет функцию ориентации человека в обществе, лежит в основе мотивации его поступков. В этом комплексе многие его составляющие находятся в зависимости друг от друга и имеют общий источник происхождения. Описание такого постоянного социально-психологического комплекса позволяет приблизиться к пониманию тех процессов, которые определяют особенности украинского общества.

Мнение, придающее особый приоритет свободе политического лидера в противовес законам и обсуждениям, вырастает из императивов доверия и социального ожидания. Например, суждение “несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии” мы можем без существенной деформации содержания переформулировать в суждение “я больше доверяю сильным руководителям, нежели всем законам и дискуссиям, в деле достижения значимого для страны результата”.

Убеждение в большей результативности индивидуальной политической свободы по сравнению с процедурами коллективного обсуждения опирается на существующие в обществе режимы доверия. Попробую их эскизно охарактеризовать, поскольку их взаимосвязь определяет очертания современного украинского общества. Доверие является достаточно сложной формой социального ожидания, которое формируется в процессе социальной интеракции как способ преодоления социальной неопределенности. Прежде всего доверие означает, что другой будет поступать так, как я от него ожидаю.

В обществе могут сосуществовать различные режимы доверия, хотя у каждого из них свои исторические предпосылки.

Один режим доверия представляет собой форму личных отношений; я доверяю кому-то, ибо лично знаю его. Это первичный режим доверия, основанный на личном опыте. Данному режиму присуща убежденность в верховенстве “неписаного” учения, живого слова перед мертвым текстом, а носителем авторитета выступаетая странствующий философ, учитель мудрости.

Другой режим появляется в Средневековье и связан с идеей личного Бога. Христианский Бог, будучи абсолютным воплощением доверия верующего, одновременно выступал в среде христиан как авторитетная инстанция, гарантировавшая прочность заключенных соглашений и соблюдение обязательств.

Третий режим доверия формируется в Новое время. Расширение торговых связей и отношений, широкое вовлечение в коммуникацию писаных

текстов образуют сеть анонимных интеракций, приводя к своеобразной деперсонализации доверия. В социальный обмен вовлекается множество посторонних лиц, происходит формирование элемента публичности, связанного с появлением как книгопечатания, так и периодической печати. Одна ситуация, когда коммуникация происходит преимущественно на почве межличностных отношений, и совсем другое дело, когда в коммуникацию вовлекается информация, не опосредованная личным опытом. Массовая печать непосредственно влияет на понимание идентичности автора текста, на само понятие авторства. У автора исчезает физическая идентичность субъекта письма. Потеря личной идентичности и анонимность автора создают проблему социальной достоверности письменной коммуникации. Когда нет способа непосредственно убедиться в достоверности информации, возникает такое явление, как “авторитет”, концентрирующее в себе гарантии аутентичности коммуникации и защищающее от злоупотреблений социальным престижем. Сама публикация наделяет авторитетом, в отличие от манускрипта. С третьим режимом доверия связан также феномен пасторской власти. Это особая матрица процедур управления (Фуко), которая начинается с утверждением христианства. Речь идет о целом искусстве наставления людей на путь истинный, их сопровождении, управлении, манипулировании людьми, искусстве следования за ними шаг за шагом, подталкивания их в нужном направлении, об искусстве отвечать за людей на коллективном и индивидуальном уровне в течение всей их жизни и на каждом их шагу.

Четвертый режим доверия связан с распространением электронных масс-медиа. Новые средства коммуникации обусловили в новейшее время тенденцию к переходу обществ от иерархического к гетерархическому порядку, то есть к комплексным, субсидиарным иерархиям. Если фундамент социального порядка — управленческая структура, организационная дисциплина — опираются на иерархический принцип, то средства распространения коммуникации делегитимируют их, создавая альтернативные формы. В иерархиях достаточно влиять на “вершину”, рассчитывая, что она в состоянии решить проблему. Гетерархии опираются на сетевые контакты, которые дискриминируют установленные на местах. Начиная с XVIII века, иерархии в Европе постепенно теряют контроль над содержательной комплексностью средств коммуникации и вынуждены примириться с обществом, декоммунизировав построено гетерархически. Компьютерная коммуникация впервые порывает с авторитетом экспертов, делает невозможной персонализацию знания и переплавку его в авторитет. Благодаря технологиям обработки информации каждый в принципе способен подвергнуть проверке высказывания экспертов, например, отыскать информацию, которая оказалась недоступной для конкретного специалиста.

Схематически охарактеризовав известные режимы доверия, образование которых связано с эволюцией европейских обществ, следует отметить, что в социально-психологическом комплексе украинского общества доминирует феномен пасторской власти с присущими ей чертами доверия. Не случайно при стабильно низком уровне доверия к органам государственной власти уровень доверия к президенту всегда выше, чем к парламенту или правительству. И вполне естественно, что авторитарное правление бело-

русского президента А.Лукашенко вызывает постоянные симпатии со стороны украинских респондентов.

Социальные ожидания, на которые нацелены все императивы доверия, можно представить в виде фигуры авторитарного лидера, способного “навести порядок” в стране, приструнить богатых, посадить за решетку коррупционеров, урезонить чиновников и т.п.

Эти социальные ожидания воплощаются в публикациях отечественных политологов, которые в политической деятельности генерала де Голля — с его знаменитым лозунгом “Франция без “величия” не Франция” — усматривают идеал образцового президента для Украины.

Впрочем, социальные ожидания, связанные с фигурой авторитарного лидера, характеризуют общества с иерархическим порядком, который ныне перманентно разрушается благодаря современным формам коммуникации. Иными словами, современные масс-медиа делегитимируют потребность в герое, от которой до сих пор не может избавиться общественное сознание. Как только политический лидер заявляет о себе как о значимой политической фигуре, его образ сразу начинает разрушаться под огнем критики, инициированной масс-медиа. В итоге общество пронизывают противоречия, мешающие адекватно реагировать на вызовы глобализованного мира.

Кризис доверия всегда связан с социальной аномией и анархией. В традиционных обществах существуют социальные институты, которые накапливают и канализируют доверие. В средневековом обществе таким социальным институтом, концентрировавшим в себе сумму социального доверия, была христианская церковь. В Новое время произошла замена религиозного авторитета светским, что перенаправило энергию доверия от христианской церкви к различного типа лидерам во всевозможных сферах деятельности — в политике, науке, искусстве и т.п. Ныне в связи с развитием новых средств коммуникации фигуру авторитета вытесняет консенсус, достижение которого требует открытого публичного обсуждения социальных проблем.

Выводы

1. Итак, украинская политическая культура характеризуется глубоко противоречивыми идеалами и ценностями, в ней отсутствует универсальная, общая, коллективная культура, а националистический и демократический коды, соревнуясь друг с другом, обуславливают специфическую картину украинского гражданского общества, препятствуя его развитию на пути демократических реформ.

2. Стремлению государства придать значимость своей мобилизационной функции, опираясь на националистический код, противостоит инструментальное отношение к государству. В обществе, согласно дискурсу свободы, который получает опору в индивидуальных свободах и подвергает сомнению постулаты христианской веры, трудно обосновать этику государственного служения и патриотизма. Такое понимание общества, когда реальными считаются только индивиды и коалиции, организованные по интересам и мнениям, аннулирует символическую действенность демократической системы. Такое аннулирование означает, что власть не может требовать от своих граждан покорности и готовности умереть за интересы госу-

дарства, поскольку за государственными интересами всегда стоят чьи-то корпоративные интересы.

3. Следовательно, созданные за годы государственной независимости Украины такие институты демократического общества, как парламент, всеобщее избирательное право, деление ветвей власти, демократическая Конституция, многопартийная система, многочисленные общественные организации, негосударственные средства массовой информации и т.п., не получают поддержки среди преобладающей массы населения Украины. Возникает противоречие между существующими демократическими институтами и социально-психологическими факторами, которые заставляют людей отвергать их, скорее всего, в силу их формальной природы. Получается, что демократические институты имеют сугубо внешний, декоративный характер и не укоренены в социально-психологической структуре общества.

Источники

Грушевський, М. (1991). *На порозі Нової України: Гадки і мрії*. Київ: Наукова думка.

Макеев, С. (2003). Социальные институты: классические трактовки и современные подходы к изучению. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 5–20.

Міхновський, М. (1900). *Самостійна Україна*. Львів: Вид. Е. Косевич. Отримано з <http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1900.mihnovskiy.php>.

Програма комплексного соціально-економічного реформування України (1993). *Розбудова держави*, 4, 3–62.

Alexander, J. C. (2003). *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press.

Матеріал отриман 17.04.2018

References

Alexander, J. C. (2003). *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press.

Hrushevs'kyi, M. (1991). *On the Threshold of a New Ukraine: Ideas and Dreams*. [In Ukrainian]. Kyiv: Scientific Thought. [= Грушевський 1991]

Makeev, S. (2003). Social Institutions: Classical Interpretations and Modern Approaches to Studying Them. *Sociology: theory, methods, marketing*, 4, 5–20.

Mikhnovs'kyi, M. (1900). *Sovereign Ukraine*. [In Ukrainian]. L'viv: Publ. by E. Kosevych. Retrieved from <http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1900.mihnovskiy.php>. [= Міхновський 1900]

The Programme for Complex Socio-Economic Reform in Ukraine. (1993). [In Ukrainian]. *State Building*, 4, 3–62. [= Програма 1993]

Received 17.04.2018